

22. Там же.
23. Там же. Л. 1.
24. Там же. Л. 3.
25. Фрунзе М.В. Избранные произведения. М., 1984. С. 423.
26. РГВА Ф. 34912. Оп. 4. Д. 10. Л. 4.
27. Там же.
28. Там же.
29. Там же. Л. 4 об.
30. Там же. Л. 27.
31. Красный артиллерист. 1933. 16 марта.
32. РГВА Ф. 7441. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.
33. Там же. Ф. 34912. Оп. 1. Д. 48. Л. 10.
34. Там же. Оп. 4. Д. 10. Л. 2.
35. Там же. Л. 5, 6.

Прищепа А.И.

О периодизации диссидентского движения в СССР

В исторической литературе по вопросу о временных рамках инакомыслия и диссидентской деятельности единого мнения нет. В последнее время предпринимаются попытки исследовать инакомыслие как оппозицию тоталитарной власти и социальный протест на всю «советскую историю», начиная с 1917 г. (1). Подчеркивая преемственность инакомыслия и демократического движения на различных этапах развития советского государства исследователи особое внимание уделяют возникновению диссидентства как явления, аккумулировавшего в себе все наиболее радикальные проявления инакомыслия. Его возникновение, ассоциируемое с правозащитным движением, обычно датируют 1965 г. – первыми выступлениями в защиту арестованных писателей А. Синявского и Ю. Даниэля (2). Существуют и иные оценки: 1964 г. – дело И. Бродского; 1968 г. – первые сравнительно массовые петиционные кампании, начало выхода «Хроники текущих событий», «Пражская весна». Последней точки зрения придерживался А. Амальрик, подчеркивая политический характер диссидентского движения (3). Некоторые историки определяют 1969 – 1970 гг. в качестве начальной точки, аргументируя тем, что тогда возникли первые правозащитные организации. Исследователи А. Рогинский, В. Долинин, Л. Лурье, наоборот, явно или неявно, передвигают нижнюю границу диссидентства к 1956 г., Л. Богораз и А. Даниэль относят ее ко второй половине 40-х гг. (4).

На наш взгляд, точка зрения Л. Богораз и А. Даниэля является наиболее оптимальной. Во-первых, потому, что она освобождена от наследия традиционной периодизации советской истории, в соответствии с которой главный импульс либеральных перемен в СССР отождествлялся с XX съездом КПСС. Но это не главное. Основное достоинство такой позиции состоит в том, что она позволяет связать истоки инакомыслия и диссидентства в СССР с глубокими нравственно-политическими измене-

ниями в общественном сознании советских людей, обусловленными окончанием тяжелейшей Великой Отечественной войны. На них уже обращали внимание историки, специально не занимавшиеся исследованием инакомыслия и диссидентского движения (5).

Исследование истории инакомыслия завершается серединой 80-х гг. Диссидентское движение вступило в восьмое десятилетие далеко не в лучшем состоянии. Настроение оптимизма и надежд на возможные изменения в СССР сменялись чувством разочарования и упадка. Не оправдались прогнозы А.Д. Сахарова о начале конвергенции Востока и Запада к 1980 г. В этом году он был отправлен в ссылку. Заставляла себя ждать моральная революция советского общества, о которой говорил А.И. Солженицын в 1973 г. В 1974 г. он был изгнан из СССР.

Приход администрации Р. Рейгана к власти в США в 1980 г. поставил перед диссидентами в СССР новые стратегические и тактические задачи. Сосредоточившись на решении внутренних проблем своей страны, Р. Рейган гораздо меньше уделял внимания проблеме прав человека в СССР, по сравнению с его предшественником Дж. Картером. Получавшие мощную моральную и существенную материальную помощь в 70-е гг., ориентированные на поддержку общественного мнения и правительств на Западе, в новых условиях начала 80-х гг. советские диссиденты оказались в тупике. Популярная в то время на Западе статья Ады Найденович «Конвергенция зверя и блудницы» отражала разочарование правозащитников в искренности политики западных демократических правительств в отношении правозащитного движения и указывала на складывающийся антидемократический симбиоз «предавшей» диссидентов администрации США и полицейского режима в СССР.

Трудности правозащитного движения усугублялись проблемой взаимоотношений его ветеранов и нового строя участников, вносивших элементы политического радикализма. Противостояние правозащитников властям стало будоражающим примером не только для родственных им по духу граждан, но и для весьма поверхностно усвоивших их идеи и совершенно чуждых по складу ума правозащитному движению с его принципиальным отказом от любого вида насилия, терпимостью и интеллигентностью. «Обе стороны не были готовы к встрече и тем более сотрудничеству, не нашли общего языка», - с сожалением констатировала Л.М. Алексеева (6).

Эмиграция в целом не способствовала развитию диссидентского движения внутри страны. Надежды на эффективность «самиздата» оказались иллюзорными. КГБ надежно блокировало каналы поступления литературы из-за рубежа, а доходившие слухи о внутриэмиграционных разборках оказывали деморализующее влияние на оставшихся в СССР.

К концу 70-х годов в деятельности правозащитников явно обозначилась тенденция, выразившаяся в отходе от изначального принципа орга-

низационной аморфности движения. Групповое структурирование правозащитного движения сопровождалось нарастанием в его деятельности политических приоритетов. Власти ответили усилением репрессий. Для борьбы с инакомыслием в составе КГБ было заблаговременно сформировано пятое Главное управление. К 1984 г. усилиями «компетентных органов» движение диссидентов было практически сведено на нет. Около тысячи человек, до 90% активистов, оказались в тюрьмах, лагерях, спецбольницах (7).

Во второй половине 80-х гг. начался новый этап инакомыслия и диссидентского движения в СССР. Оно уже не носило преимущественно правозащитного характера. Старое диссидентско-правозащитное движение слилось с новыми общественными группами, политическими клубами, а затем – народными фронтами. Одновременно начался процесс становления многопартийной системы, функции многих политических партий стали выполнять «неформальные» общественные организации. Инакомыслие и диссидентское движение перешло на новый уровень, обрело другие формы.

1. См.: Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995; Данилов А.А. История инакомыслия в России: советский период. 1917-1991 гг. Учебное пособие. Уфа, 1995.

2. Безбородов А.Б., Мейер М.М., Пивовар Е.И. Материалы по истории диссидентского и правозащитного движения в СССР 50-х – 90-х гг. Учебное пособие. М., 1994. С. 15; Наше отечество. Опыт политической истории. М., 1991. Т. 2. С. 493; и др.

3. Амальрик А. Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? Предисловие к третьему русскому изданию // Погружение в трясину. (Анатомия застоя). М., 1991. С. 650.

4. Богораз Л., Даниэль А. В поисках несуществующей науки // Проблемы Восточной Европы. Вашингтон. 1993. № 37-38. С. 145.

5. Зубкова Е.Ю. После войны: Маленков, Хрущев и «оттепель» // История отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории советского государства. М., 1991. С. 284-320; Зубкова Е.Ю. Общество и реформы. 1945-1964. М., 1993. С. 16-102; Наше отечество. Опыт политической истории. М., 1991. Ч. 2. С. 430-432.

6. Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР. Новейший период. Бенсон. 1994. С. 325.

7. Наше отечество: Опыт политической истории. М., 1991. Ч. 2. С. 530.

Протасова Э.Е., Суворов М.В.

Репрессии против учителей Урала в 1937-1938 гг.

Репрессии против педагогических кадров на Урале в 1930-е гг. не были еще предметом специального научного исследования. Данные, характеризующие масштабы репрессий против просвещенцев появились совсем недавно. Впервые информация о так называемом «деле 33 учителей Свердловской области», обвиненных в 1937 г. в срыве всеобщего вредительства прозвучала в книге А.И. Солженицина «Архипелаг ГУЛАГ» в начале 1990-х гг. (1). Снятие грифа «секретно» с архивных материалов привело к возможности обратиться к этой проблеме.